

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

САМАЯ БОЛЬШАЯ
ТАЙНА ГИТЛЕРА

Леонид Михайлович Млечин
Самая большая тайна Гитлера
Серия «Взлёт и падение
Третьего рейха»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54758294

Самая большая тайна Гитлера / Л.М. Млечин: Родина; Москва; 2018

ISBN 978-5-907024-52-6

Аннотация

Адольф Гитлер печально знаменит как тиран и диктатор, потопивший в крови почти весь мир, но даже о нем как о личности говорят крайне мало.

Почему он избегал разговоров о своих предках, а так же о своем детстве и юности? Какое лечение провел психиатр Эдмунд Фостер и почему до конца своих дней горько сожалел о своем поступке? Из-за чего в 1937 году Гитлер, которому было меньше 50 лет, написал политическое завещание? Почему во время Второй мировой войны он избегал поездок на фронт, посещений штабов и госпиталей? И был ли фюрер психически здоровым человеком? На эти и другие вопросы отвечает в своей книге Леонид Млечин.

Содержание

От автора	5
Часть первая	16
Глава 1. Инцест	16
Глава 2. Второгодник	25
Глава 3. Исключительно мужская компания	32
Глава 4. Друзья и подруги обитателя общежития	49
Глава 5. Протокол допроса Ганса Менда	58
Глава 6. Сеанс гипноза для отравленного ефрейтора	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Леонид Млечин

Самая большая тайна Гитлера

© Млечин Л. М., 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

От автора

Адольф Гитлер повсюду – в кино и на телевидении. Никогда еще он не был так популярен. Прежде всего в самой Германии. Но не только. Самое время говорить о «гитлеромании». Так называемая гитлеровская волна (впрочем, не первая) прокатилась по миру. Книги о Гитлере, фотоальбомы, фильмы, пластинки, компьютерные игры заполонили рынок. Обращение к образу Гитлера – не дело рук бывших нацистов. Они уже почти все ушли в мир иной.

События, связанные с Третьим рейхом, стали наконец частью истории. Немцы впервые оглядываются на гитлеровскую эру и пытаются увидеть ее объективно, без эмоционального сопереживания. Большинство сегодняшних немцев родилось после смерти Гитлера. Они не воспринимают его как живого человека, поэтому им легче посмотреть на него со стороны, с дистанции времени.

За гитлеровскую тему взялись серьезные писатели и кинорежиссеры. Они решили отойти от карикатурного образа бесноватого фюрера и пытаются понять, каким образом этот человек сумел стать властителем Германии, а потом едва не завоевал полмира. Нельзя сказать, что авторы восторгаются Гитлером. Вовсе нет. Они методично разбирают его заслуги и преступления, успехи и ошибки. Они показывают его слабости, пристрастия, мелкие страстишки и грешки.

Гитлера хотели понять как человека. И добились своего – очеловечили Гитлера. А главный вопрос остается неотвеченным: кем или чем был Гитлер? Типичным представителем выкорчеванного поколения мировой войны? Демоном? Несостоявшимся архитектором, столь же чрезмерным в своих представлениях о пространстве, сколь и в своих разрушительных импульсах? Центром вращения земли – по крайней мере, в течение одного десятилетия? Обуреваемым страхами и наполненным страстями мелкобуржуазным демагогом-политиком? Бесцветным индивидуумом? Влекущим и поныне мифом? Нерешительным, неуверенным в себе властителем, озабоченным исключительно сохранением популярности и личного авторитета? Величайшим преступником всех времен?

Нацистский министр Альберт Шпеер, который провел рядом с фюрером больше десяти лет, считал его просто загадкой. Равнодушными фюрер и по сей день оставляет немногих. Сам Адольф Гитлер больше всего боялся разрушить созданный вокруг него миф. Он не упускал случая напомнить о собственном величии.

– По сравнению с дамами-интеллектуалками, – говорил Гитлер во время войны, – моя мать, конечно же, проигрывала. Она жила ради мужа и детей. И в обществе наших образованных женщин ей пришлось бы нелегко, но она подарила немецкому народу великого сына...

Фюрер понимал, насколько массы нуждаются в мифе, ма-

стерски им пользовался и в конце концов сам подпал под его влияние.

– Как можем мы вновь не вспомнить то чудо, которое свело нас, – обратился он к делегатам партийного съезда в Нюрнберге в сентябре 1936 года. – Когда-то вы слышали голос одного человека. Этот голос постучал в ваши сердца. Он разбудил вас, и вы последовали за этим голосом. Вы годами следовали за ним, даже не видя обладателя этого голоса. Чудо нашего времени, что вы нашли меня среди стольких миллионов. А то, что я нашел вас, – это счастье Германии!

Верил ли сам Гитлер в то, что вещал? Прожженный циник, он говорил так, будто не знал или уже забыл, что его взлет никак нельзя приписать какому-то чуду или сверхъестественным силам. Или это была риторика удачливого и наглого проповедника? Желая еще раз пережить возникновение собственного мифа, Гитлер добавил, выступая на партсъезде:

– Когда мы с вами встречаемся здесь, то всех нас наполняет чувство какого-то чуда. Не каждый из вас видит меня, и не каждого из вас вижу я. Но я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Это вера в наш народ, которая сделала нас, маленьких людей, – великими, нас, бедных, – богатыми, нас, колеблющихся, малодушных, испуганных, сделала смелыми и мужественными. Это вера дала прозреть нам, заблудшим, и сплотила нас. И вот теперь мы вместе. Народ с фюрером, и фюрер с народом. И теперь мы – Германия!

Это был язык пророка, в котором заметны намеки на евангельские тексты. Как политический актер Гитлер знал: невозможно найти лучшую декорацию, чем партийный съезд, чтобы выпустить на сцену миф о фюрере всего немецкого народа. Распространение мифа о Гитлере в газетной и радиопропаганде зависело от готовности слушателей и читателей верить. А в праздничном сценарии партийного съезда делегаты внимали непосредственно самому фюреру.

Его магнетическому напору поддались и те, кто поначалу дистанцировался от режима или даже противостоял ему.

Как это удалось Гитлеру и его министру пропаганды Йозефу Геббельсу? Не они изобрели миф о фюрере. Они по-своему продолжили традицию, которая уходит в мир романтически-консервативных представлений начала XIX века. Демократической модели власти, рожденной Французской революцией, Германия противопоставила героизированный культ народных вождей. В Германии двадцатых-тридцатых годов XX столетия, переполненной ожиданиями и неуверенностью, велика была потребность в пробуждении, потребность в вожде. Настроенная на патриотический, романтический и героический лад, Германия надеялась на обновление через фюрера милостью Божьей.

Революционный шум после Первой мировой войны и контрреволюционный грохот изрядно напугали немцев. Общество было потрясено. Эмоции масс перерастали в страх перед современностью. Этому способствовали поражение в

мировой войне, «позор» Версаля, «безобразная» ноябрьская революция, «убогая Веймарская республика», инфляция и экономическая депрессия и не в последнюю очередь «вырождение» современного направления в искусстве. Все это усиливало страх и вело к политической радикализации мелкой буржуазии и среднего класса.

Именно страх, охвативший Германию, стал главной причиной прихода Гитлера к власти. Немцы в 1933 году жили не хуже французов или англичан. Немцы не справились со свободой, которую они получили после распада империи! Свобода требовала от них прежде всего самостоятельности во взглядах и решениях. Немцы растерялись, всю вину за неумение наладить жизнь они перекладывали на внешних и внутренних «врагов». Неспособные к самоорганизации, они жаждали возвращения к привычному порядку, когда все решается наверху и надо всего лишь подчиняться приказам и указаниям.

Если перед Первой мировой были популярны прежде всего романы о катастрофах будущего, то после поражения в войне и отречения кайзера от престола сюжеты для романов состояли в основном из фантазий на тему спасителя и обновления. Речь шла о «немецкой миссии», о роли «белой расы», призванной под предводительством немцев управлять миром.

В двадцатых годах предводители мелких националистических формирований вели напряженную конкурентную

борьбу. Кто мог предположить, что именно нацисты во главе с ефрейтором Адольфом Гитлером выйдут победителями? Почему этот «провинциальный агитатор из пивной» смог пробиться?

Поначалу он вполне был готов удовольствоваться ролью «барабанщика». Он сам долго не мог поверить в то, что ему выпала роль фюрера. Его политическая карьера началась с тяжелого поражения. Попытка государственного переворота в Баварии 9 ноября 1923 года потерпела жалкую неудачу. Ружейная пуля пролетела на волосок от Гитлера. Это была случайность, несчастливая для истории.

В середине двадцатых он не был так уж популярен. Только на сентябрьских выборах 1930 года произошел прорыв. Статьи о Гитлере и его партии не сходили с газетных полос. Вот тогда возник псевдорелигиозный образ «вождя грядущей Германии».

При этом притягательная сила Гитлера была не столь безграничной. Ему противостояли политический католицизм и та часть рабочих, которая входила в профсоюзы, активные коммунисты и социал-демократы. Значительная потеря избирателей – приблизительно два миллиона голосов – в ноябре 1932 года показала, что его взлет можно было остановить. Когда он несколько недель спустя все-таки стал имперским канцлером, то «великое чудо» этого «исторического поворота», как писал в своем дневнике Геббельс, дало пищу для нового мифа. Партийная пропаганда провозглашала Гитлера

«канцлером национального возрождения».

Две трети немецкого населения до поры до времени воспринимали его лишь как очередного главу правительства и ни в коем случае не считали «народным канцлером», как писала нацистская газета «Фёлькишер беобахтер», и уж тем более «вождем всех немцев». Но партийные пропагандисты использовали каждую возможность для повышения популярности Гитлера. Глаза и уши масс были заняты постоянно. Вершиной стало тщательно подготовленное Гитлером и Геббельсом и стилизованное под «День Потсдама» открытие рейхстага нового созыва. Время и место действия были выбраны с умыслом. Это был день, когда первый германский канцлер Бисмарк в 1871 году открыл первый рейхстаг Второго рейха.

Гарнизонная церковь и могила Фридриха Великого образовали необходимую историческую кулису, на фоне которой президент Гинденбург мог благословить «новую Германию», а Гитлер – преклонить колено перед старым рейхом. По своей символике и сентиментальности это был непревзойденный спектакль, «народный праздник национального единства», но уже без социал-демократов и коммунистов. Людям старшего поколения он напомнил праздники и гулянья, которыми был избалован кайзеровский рейх.

20 апреля 1933 года пышно отмечался день рождения Гитлера, которому исполнилось сорок четыре года. Его сделали почетным гражданином, в его честь сажали деревья,

устраивали факельные шествия. Знамена и букеты цветов были в изобилии. Геббельс из кожи вон лез, стараясь дополнить образ государственного мужа чертами скромного человека. Гитлера изображали «народным канцлером», «верным», «добрым», «любящим детей», «простым человеком из народа». Кому-то создаваемый культ казался смешным или отталкивающим. Но у большинства немцев складывалось впечатление, что Гитлер – другой, не похожий на ненавистных партийных политиков и карьеристов несчастливых веймарских лет.

Миф все больше вытеснял критику повседневной действительности и политики нацистов. Недостатки и неудачи списывались на правительство и на партийных секретарей, «золотых фазанов» (так именовали партработников за их коричневую форму) и «чиновников с партбилетами». А улучшения в социальной жизни приписывались исключительно Гитлеру, равно как и внешнеполитические и военные успехи – или то, что за них принимали. Манипулируемое сознание нашло свое выражение в таких оборотах, как «если бы фюрер знал об этом...».

Положительный образ Гитлера все больше отделялся от негативного образа партии. Репрессии и уничтожение начальников штурмовых отрядов в «ночь длинных ножей» пошли ему на пользу. Фюрер имел много лиц и играл ту или иную роль в зависимости от ситуации. Ему приписали устранение безработицы и «экономическое чудо». После униже-

ния Первой мировой и трудных послевоенных лет большинство немцев жаждали национального успеха и восстановления роли Германии, соответствующей ее историческому величию и мощи. Однако идти на жертвы и воевать народ не хотел. Внешняя политика Гитлера, политика «свершившихся фактов», начиная с отказа от Версальского договора и кончая присоединением Австрии, казалось, отвечала этим ожиданиям. Все давалось легко, без потерь и лишений. Беспокойство сменялось восторгом.

Полувековой юбилей в 1939 году фюрер отмечал уже в роли «величайшего полководца всех времен и народов». Парад «самых современных из всех вооруженных сил», как говорил Гитлер, преследовал две цели – настроить собственное население на войну после многолетних речей о мире и напугать за границу, внимательно следившую за происходящим. Когда немецкие войска летом 1940 года вошли в Париж, миф о Гитлере достиг новой и последней вершины.

Эйфория сохранялась недолго. С поражениями на фронтах и бомбардировками немецких городов начался упадок мифа о Гитлере. Стало ясно, что основанием этого мифа была вера в «предопределенные свыше» успехи Гитлера. Но когда пошли сообщения о проигранных битвах и разрушениях и для ликования больше не оставалось поводов, трудно было сохранить убежденность в величии фюрера. Гитлер выступал все реже. Он по-прежнему выражал уверенность в победе и обещал одолеть всех врагов. Часть населения до самого

конца хваталась за эту соломинку и надеялась на чудо. Но в конечном счете эта надежда была выражением отчаяния. Миф о фюрере истощился еще до того, как Гитлер в своем бункере покончил жизнь самоубийством.

«Как выразитель идей нации» Гитлер мог иметь такой успех лишь потому, что он был выдающимся демагогом, умело игравшим на устремлениях и предрассудках народа. Одно время Гитлера в мире считали фантазером и безумцем. Его планы завоевания власти и мирового господства вызывали смех. Но наступил момент, когда все, что он хотел, стало реальностью. Несколько лет он держал в руках судьбы всей Европы. Но назвать Гитлера выдающимся политиком невозможно. И не только потому, что он был чудовищным преступником, который принес десяткам миллионов людей, и более всего нашему народу, безумные страдания. Его никак нельзя назвать выдающимся еще и потому, что как личность он был на редкость бледным и невыразительным. Гитлер был чем-то иррациональным, неким наваждением.

Его образ, соединивший невероятную жестокость с дьявольской харизмой, кажется необычайным, потому что он совершил невиданные по масштабам преступления. Если же представить его в роли обывателя, в обличье главы семейства или мелкого служащего, то это лицемерие садиста, лишенное всякой масштабности, вызовет только отвращение.

Если бы история не предоставила в распоряжение фюрера целый народ, который растерялся и сделал его своим ру-

пором, никому не нужный Адольф Гитлер влачил бы одинокое существование прирожденного мизантропа и неудачника. Но как же все-таки ему удалось возглавить Германию и завоевать полмира?

Часть первая

«Люди не имеют права знать, кто я»

Глава 1. Инцест

Адольф Гитлер требовал, чтобы каждый немец представил документальные свидетельства чистоты своего происхождения. Но сам практически ничего не сообщал о собственных предках. Он вообще избегал разговоров о своей семье.

– Люди не имеют права знать, кто я такой, – раздраженно повторял Гитлер. – Они не должны знать, откуда я и из какой семьи происхожу. Даже в своей книге я не позволил себе ни слова об этом.

Старых знакомых Гитлера предупреждали, чтобы и они помалкивали и не спешили выступать с воспоминаниями о прежней жизни фюрера. В его родословной оказались темные пятна, которые безумно раздражали фюрера.

Его незамужняя бабушка Анна Мария Шикльгрубер забеременела в сорок один год. 7 июня 1837 года она родила мальчика, которого окрестили Алоизом. Поскольку она отказалась назвать фамилию отца, мальчику дали фамилию

матери – Шикльгрубер. Растить ребенка Марии помогал ее отец, которому было уже за семьдесят. В те времена таких детей называли незаконнорожденными.

Неожиданным образом Алоиз Шикльгрубер обрел отца, когда ему самому было уже за сорок. Его усыновили, скорее всего, для того, чтобы чиновник, состоявший на службе государства, избавился от клейма незаконнорожденного и мог получить наследство. Загадочность этой истории состоит в том, что отцом Алоиза признали уже умершего человека. Разумеется, это обстоятельство, окончательно все запутавшее, породило множество слухов. Десятилетиями историки и политики пытались докопаться до истины – кто же был дедом фюрера с отцовской стороны?

Предположения строились различные, называлось множество имен – от барона Ротшильда до австрийского графа Оттенштайна. Политические противники фюрера придумали Алоизу Гитлеру таинственного еврейского отца. Бывший генерал-губернатор оккупированных польских областей обергруппенфюрер СС и СА Ганс Франк, повешенный после войны по приговору Нюрнбергского трибунала, прямо утверждал, что отец профессионального антисемита Адольфа Гитлера на самом деле еврей.

Находясь в тюрьме, Ганс Франк составил подробную записку, в которой говорилось:

«Отец Гитлера был внебрачным сыном поварихи по фамилии Шикльгрубер. В соответствии с законом внебрачный

ребенок носил фамилию матери. Когда его мать, то есть бабушка Адольфа Гитлера, вышла замуж за некоего господина Гитлера, незаконнорожденный ребенок, то есть отец Адольфа Гитлера, был усыновлен ее мужем.

Но самое удивительное в этой истории следующее: когда повариха Шикльгрубер, бабка Адольфа Гитлера, родила ребенка, она работала в еврейской семье Франкенбергер в городе Граце. И этот Франкенбергер платил ей на своего сына алименты. Следовательно, отец Гитлера был наполовину евреем, а сам фюрер на четверть».

Записка Франка заставила историков вновь исследовать генеалогическое древо Адольфа Гитлера. Но в городе Граце не удалось отыскать ни одного Франкенбергера, который мог быть дедушкой Гитлера. В Граце в ту пору вообще не было ни одного еврея. Да и бабка фюрера по отцовской линии, Анна Мария Шикльгрубер, тоже никогда не жила в Граце.

Записка повешенного Франка свидетельствует об обычной паранойе в среде национально мыслящих патриотов, где принято подозревать друг друга в еврейском происхождении. Сын обергруппенфюрера Ганса Франка писал, что его отец «постоянно врал».

Многие из рассказанных о Гитлере историй оказались слухами. Писали, будто он запретил упоминать имя своей бабки. Но это не так. После присоединения Австрии к нацистской Германии в 1938 году Марии Шикльгрубер воздвигли на кладбище новый памятник, к которому водили

школьников. Другое дело, что Гитлер поддерживал отношения лишь с немногими родственниками. Остальных избегал, чтобы они не донимали его просьбами и жалобами.

Его отец Алоиз Шикльгрубер женился в тридцать семь лет. Его первая жена, Анна Гласль-Хёхер, была на четырнадцать лет старше, ей уже исполнилось пятьдесят. Возможно, он женился ради денег. Детей у них не было. Зато вторая и третья жены родили Шикльгруберу в общей сложности восемь детей.

Алоиз завел любовницу – Клару Пёльцль, которая в шестнадцать лет поступила к нему в услужение. Клары ему было мало, и у него появилась еще одна любовница – Франциска Матцельбергер. Она забеременела, когда первая жена Алоиза была жива.

После смерти Анны, скончавшейся от туберкулеза, он решил жениться на Франциске, которая была на двадцать четыре года его моложе. Франциска первым делом потребовала, чтобы муж расстался с Klarой Пёльцль. Франциска родила мальчика, названного в честь отца, и затем девочку, Ангелу. Но и вторая жена серьезно заболела, и пришлось звать ту же Клару, чтобы она прислуживала по дому.

Отец Гитлера был ходок. Педантичный и аккуратный на работе, дома Алоиз был тираном, который мог ударить и жену, и сына. Юный Гитлер рос в те времена, когда телесные наказания считались обычным делом. Отец был хозяином в семье. Он утверждал свою власть в том числе и тем, что бил

детей. Так повторялось из поколения в поколение. Врачи того времени утверждали, что, если дети плачут, их нужно как следует отшлепать. И Гитлер вырос в убеждении, что власть приходится утверждать силой.

Франциска умерла в двадцать три года, и Алоиз наконец женился на Кларе Пёльцль. Можно ли говорить о любви между родителями Гитлера? В те времена женщина в обмен на замужество (что было для нее совершенно необходимо, потому что придавало необходимый статус) предлагала мужу абсолютную верность и покорность. Жена рассматривалась прежде всего как мать, способная нарожать детей, и как хозяйка, обеспечивающая жизнь мужчины.

Клара была предана мужу, воспитывала его детей от прежнего брака. Для нее, происходившей из глухой деревушки, брак с таможенным чиновником был большой удачей. 20 апреля 1889 года в половине седьмого утра в пригороде австрийского городка Браунау у Алоиза Гитлера и его третьей жены Клары появился на свет четвертый ребенок, мальчик, которого окрестили Адольфом.

Трое детей до него (мальчики Густав и Отто и девочка Ида) умерли в младенчестве. Она родила еще одного мальчика – Эдмунда, а в 1886-м последнего из шести детей – девочку по имени Паула. Девочка была умственно отсталой, и Адольф старался держаться от нее подальше. Правда, у него было еще двое сводных братьев от прежнего брака отца. Они тоже друг друга не любили.

В 1930 году один из сводных братьев, не очень симпатизировавший Адольфу, прислал злорадное письмо, угрожая рассказать, что дедушка фюрера был евреем. Письмо встревожило Гитлера. Он был обеспокоен тем, что его будут подозревать в неарийском происхождении. Военный врач ротмистр фон Шух, который знал его с 1917 года, вспоминал:

– Он всю жизнь переживал, мучаясь сомнениями – есть в нем еврейская кровь или нет? Он делился с нами своими переживаниями.

Дважды по поручению Гитлера рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер проводил тайное исследование его генеалогического древа и оба раза почтительно докладывал фюреру, что у него нет оснований сомневаться в чистоте своего происхождения.

Разговоры о еврейском дедушке, судя по всему, чистейшая выдумка. Но что же все-таки скрывал Гитлер, если ему не было нужды прятать мнимых еврейских родственников? И что это за странная история с поздним усыновлением его отца?

В возрасте сорока семи лет бабушка фюрера Анна Шикль-грубер вышла замуж за безработного Йоганна Георга Гидлера. Точнее было бы написать «Хидлер», но тогда и фамилию Гитлер следовало бы писать «Хитлер». Однако по традиции немецкие имена, начинающиеся с латинской буквы «Н», пишут по-русски с буквы «Г».

Супруги перебрались в соседнюю деревню, а мальчика

оставили на воспитание брату мужа – Йоганну Непомуку Гютлеру (Хютлеру). Эти фамилии – Гидлер, Гютлер, Гитлер – явно происходят из одного корня.

Новоприобретенный дядя принял живейшее участие в судьбе Алоиза. Когда Анна Мария Шикльгрубер и ее муж уже сошли в могилу, Йоганн Непомук Гютлер вдруг заявил, что отцом Алоиза Шикльгрубера был его покойный брат и это надо официально зарегистрировать. Влиятельный в деревне человек, он убедил пастора изменить запись в книге актов гражданского состояния. И пастор совершил подлог – согласился задним числом написать, что покойный «Йоганн Георг Гидлер признал себя отцом ребенка Алоиза».

Таким образом, в сорок лет Алоиз Шикльгрубер, старший таможенный чиновник Австро-Венгерской империи, обрел отца и превратился в Алоиза Гитлера. Фамилия Гитлер чешского происхождения, что в той части Австрии не было редкостью. Когда Адольф Гитлер появился на свет, самостоятельная Чехословакия еще не существовала. Богемия была частью Австро-Венгерской империи.

Итак, Алоиз Шикльгрубер был признан сыном мужа своей матери Йоганна Георга Гидлера, подручного мельника, только после его смерти. Почему же при жизни тот не захотел этого сделать?

Историки находят убедительной только одну причину. Судя по всему, отцом Алоиза в реальности был заботившийся о нем Йоганн Непомук. Анна Мария Шикльгрубер была

его любовницей и забеременела от него. Но он был женат, у него родились три дочери, и он не хотел ломать семейную жизнь. Чтобы ребенок находился поблизости, он уговорил своего холостого брата вступить в брак с Анной. А после его смерти избавил сорокалетнего сына от клейма незаконнорожденного.

Если это так, тогда становится ясным, что именно хотел скрыть Адольф Гитлер. Его мать, Клара Пёльцль, была внучкой Йоганна Непомука Гютлера, который, вполне вероятно, был и отцом Алоиза Шикльгрубера! Иначе говоря, Клара оказалась племянницей своего мужа. Впрочем, состояла ли она в кровном родстве со своим мужем, точно ответить теперь уже невозможно. Формально она была двоюродной племянницей Алоиза, и для вступления в брак им, как верующим католикам, пришлось получить специальное разрешение Ватикана. До конца жизни Клара почтительно именovala мужа «дядя Алоиз».

Если отец фюрера женился на внучке своего отца, то есть на собственной племяннице, Адольф появился на свет в результате инцеста, брака между близкими родственниками. Это, возможно, объясняет очевидные отклонения и ущербность его психики. Недаром медицина, боясь патологий, предостерегает против браков между близкими родственниками.

Сестра его матери Йоханна Пёльцль, судя по всему, болела шизофренией. Его двоюродный брат Эдвард, сын Терезии

Пёльцль (в замужестве Шмидт), был горбуном. Одного из его братьев, скончавшихся в младенчестве, называют имбецилом. Его сестра Паула явно была не в себе, хотя диагноза душевной болезни ей не ставили. Адольф скрывал родство с ней. Во времена Третьего рейха она жила под именем Паула Вольф. Гитлер признал только свою сестру Ангелу Раубаль и ее детей, потому что они были здоровыми.

Известно, что Гитлер сам боялся стать отцом. Думал, что ребенок, который появится на свет в результате кровосмешения, окажется неполноценным? Возможно, именно поэтому он так испугался своего романа с племянницей Гели Раубаль, о чем речь пойдет дальше.

Глава 2. Второгодник

Адольф Гитлер утверждал, что вырос в бедности, а его деспотичный отец все пропивал. На самом деле семью можно считать вполне благополучной. Алоиз Гитлер, как пишут немецкие историки, был человеком не без способностей. Он сделал приличную чиновничью карьеру. А вот юный Адольф, неспособный к систематическому труду, не желал себя утруждать. В школе оставался на второй год. Курс, который другие мальчики проходили за три года, занял у него пять лет. История, география, математика и немецкий язык – эти предметы он не мог осилить.

В марте 1942 года, находясь в своей ставке «Волчье логово», Гитлер, вспоминая школьные годы, оправдывал свои неудачи:

«Я в основном учил лишь десять процентов того, что учили другие. Я очень быстро справлялся с уроками. И все же я довольно легко разобрался с историей. Часто я буквально проникался сочувствием к своим соученикам.

– Пошли играть?

– Нет, я еще не сделал всех уроков!

Он зубрит...»

В ноябре 1898 года Алоиз Гитлер, которому уже исполнился шестьдесят один, перевез семью в деревню Леондинг, рядом с Линцем. В июне 1905 года Клара Гитлер продала

дом в Леондинге и купила квартиру в центре Линца. Помогла ей деньгами ее сестра Йоханна Пёльцль, которая получила хорошее наследство. Адольфу было уже девять лет, но в дальнейшем он считал Линц своим родным городом. Здесь Адольф и ходил в школу.

Его одноклассники делились на поклонников Германии и сторонников Австрии. Большую часть своей истории Германии была расколота. Баварцы и выходцы из бывшей Пруссии и по сей день находят между собой больше различий, чем общего.

Мюнхен – второй по значимости после Гамбурга город в западной части Германии, но здесь мало многоэтажных домов, и мюнхенцы не страдают от клаустрофобии. Много зелени, и люди любят ходить пешком. Рядом горы, озера. И, судя по опросам общественного мнения, трое из четырех немцев хотели бы жить в Мюнхене.

Баварцы не признают рейнцев и считают, что все, кто живет севернее Дуная, – это пруссаки. Баварцы стреляют медленнее пруссаков. Они просто не спешат нажать на спусковой крючок, зато вернее попадают в цель. В баварских деревнях и женщины, и мужчины ходят в национальной одежде. Мужчины носят кожаные штаны. Обычно это одежда ручной выделки, но зато она долго служит.

Единая Германия появилась в XIX веке. В 1815 году, после Наполеоновских войн, возникла Германская конфедерация, в нее вошли Австрия, Пруссия, четыре королевства

(Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер) и тридцать два небольших государства, некоторые из них состояли из одного города.

Первая Германская империя была создана революцией 1848 года, но просуществовала меньше года. В 1849 году возникла новая конфедерация. Вдохновителем объединения германских государств был Отто Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен, выпускник юридического факультета Геттингенского университета. В 1859 году молодой Бисмарк уехал посланником в Россию, а в 1862-м стал главой правительства и министром иностранных дел Пруссии.

Он объединял немцев железной рукой. В июне 1866 года Пруссия распустила конфедерацию и ввела войска в Саксонию, Ганновер и Гессен. Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт вынуждены были вступить с Пруссией в военный и таможенный союз. Но южногерманские католики не хотели, чтобы ими управляли из протестантского Берлина. Бавария сохранила свою налоговую систему, сама управляла почтой и железными дорогами. Баварская армия переходила в подчинение кайзеру только в случае войны.

В 1871 году Вильгельм I был провозглашен императором Германии, Бисмарк стал его первым канцлером.

– Если у вас есть смелость предложить мне это назначение, – сказал он, – у меня есть смелость его принять.

Канцлеру Бисмарку принадлежит немало высказываний, ставших знаменитыми. Выступая в ландтаге Пруссии 30 сен-

тября 1862 года, он заявил:

– Великие вопросы времени решаются не речами и не постановлениями большинства, а железом и кровью.

Отто фон Бисмарк допустил единственную ошибку – разрешил своему Генеральному штабу аннексировать Эльзас-Лотарингию. Это станет поводом для новой войны с Францией. Постаревший Бисмарк мудро говорил, что достиг слишком многого, чтобы это могло быть благом для Германии.

Австрия же, отделенная от других немецкоговорящих стран, создала Австро-Венгерскую империю. Живущие в ней немцы разошлись во мнениях, кто-то стал австрийским патриотом, а кто-то не понимал, почему отделен государственной границей от своей родины Германии. В школе, где учился Адольф, одни ребята собирали фотографии австрийской правящей династии Габсбургов, другие почитали Бисмарка. Адольф Гитлер вырос поклонником Германии. Он считал австрийцев неполноценными немцами, а быть неполноценным он не хотел.

Он предпочитал играть с младшими детьми, которые признавали его лидерство. Это были военные игры, навеянные романами Карла Мая.

Карл Май в России почти не переводился. Он не мог конкурировать с Фенимором Купером. У американского писателя все преимущества в этом жанре. Немец Карл Май никогда не бывал в американских прериях, его романы об ин-

дейцах – плод чистой фантазии. Но в Германии он сыграл исключительную роль, не вполне соответствующую масштабу его таланта. Поколения юных немцев зачитывались романами Карла Мая.

Немцы романтичны и сентиментальны. Им всегда казалось, что они тесновато живут, хотелось иметь побольше пространства, расширить пределы империи. А их собственное отечество было священо и неприкосновенно. Описанные Маем волнующие приключения непокорных индейцев производили сильное воздействие на немецкую молодежь. Писатель Ганс Гримм еще не выпустил свой роман «Народ без жизненного пространства» (1926 год), чье название стало нарицательным, а немцам уже снились колониальные сны. И их не удивляло, почему у Карла Мая герои индейцы, а не белые. Придуманный им вождь индейцев Виннету защищал отечество от чужаков, бесстрашно сражался с англичанами и французами, извечными врагами Германии. Карл Май, как и многие другие жестокие и одновременно сентиментальные немецкие литераторы, воспел военные приключения и очистительную силу сражений, бескорыстную дружбу защитников отечества...

Алоиз Гитлер умер от сердечного приступа 3 января 1903 года. Адольфу было тринадцать лет. Характер подростка во многом формировался в скрытом противостоянии отцу. Тот много пил и ел. Адольф практически не пил, отказался от курения, мало ел, хотя обожал пирожные с кремом и взби-

тыми сливками. Никогда не плавал и не танцевал – боялся брать уроки танцев, чтобы не выглядеть смешным. И не позволял себе разгульно веселиться, как его отец.

В год смерти отца, в сентябре, его сестра Ангела Гитлер вышла замуж за Лео Раубаля, который служил в Линце в налоговом ведомстве. Вдова, Клара, осталась с двумя детьми и жила на немалую пенсию, которую получала за мужа.

В мае 1906 года Гитлер впервые побывал в Вене, где провел две недели. В начале сентября 1907 года он приехал в Вену поступать в Академию изящных искусств. Гитлер и не подозревал, сколь высоки требования к абитуриентам. Его рисунок был признан неудовлетворительным. Директор академии сочувственно сказал Гитлеру, что художник из него не выйдет. Посоветовал попробовать себя в архитектуре. Но и это оказалось невозможно, потому что Гитлер не закончил школу и не получил аттестата зрелости. Он мог бы вернуться в школу, но не захотел.

Его мать, Клара, заболела раком груди, когда ей было всего сорок шесть лет. Ей сделали операцию, казавшуюся успешной, но рак дал метастазы в легкие. Это был смертный приговор. Ухаживала за ней (а также за больной девочкой Паулой и за домом) сестра Адольфа, умелая и хозяйственная Ангела. Она все успевала, хотя в октябре 1906 года Ангела родила сына Лео и вскоре уже снова была беременна.

Доктор Эдуард Блох, лечивший Клару Гитлер, вспоминал, что в последние месяцы жизни его пациентка думала только

о сыне. Адольф не посмел ей признаться, что провалился на вступительных экзаменах в академию. Клара была уверена, что сын стал студентом, и эта мысль, вероятно, согревала ее в последние минуты жизни. Она скончалась 21 декабря 1907 года. Гитлер зашел к доктору Блоху поблагодарить за все, что он сделал для его матери. В тот момент он был искренен. Но в душе всегда винил доктора Блоха в смерти матери. Это не прибавило ему симпатий к евреям-врачам.

Сиротам Адольфу и Пауле назначили пенсию – по двадцать пять крон. Маленькую Паулу забрала к себе Ангела, которая уже родила и дочку. Поскольку сына-первенца называли в честь отца, то девочку – в честь матери, так появилась вторая Ангела Раубаль, племянница Гитлера, которую он станет звать Гели.

В феврале 1908 года, кое-как уладив дела, Адольф перебрался в Вену. За ним последовал его друг Август Кубичек, который приехал учиться музыке и надеялся поступить в консерваторию. Они сняли комнату у фрау Закрейс на Штумпергассе, дом 31, где Гитлер уже останавливался. Вместе они прожили четыре месяца. В конце учебного года Кубичек вернулся к родителям, с которыми провел лето.

В сентябре Гитлер попробовал вновь поступить в академию, в класс живописи. На сей раз его даже не допустили к экзамену по рисунку, поскольку представленные им работы не соответствовали требованиям академии.

Глава 3. Исключительно мужская компания

Молодые годы Адольфа Гитлера прошли в исключительно мужской компании. В женском обществе его не видели. Его юность прошла сначала в мужском общежитии, а потом в казарме, где он чувствовал себя лучше, чем дома. После войны один из врачей, лечивших Гитлера, заявил под присягой, что фюрер, вне всякого сомнения, был гомосексуалистом. Сам Гитлер никогда в этом не сознавался. Публично называл гомосексуализм болезнью.

Медики утверждают, что значительно легче тем, кто не сопротивляется природе и дает волю своим чувствам. Неприятие собственного гомосексуализма ведет к тяжкому разладу с самим собой. Сознание того, что ты не такой, как другие, рождает чувство унижения и обиды на весь белый свет. Если Гитлер действительно испытывал особые чувства к мужчинам и пытался это скрыть, то понятно, почему он в конце концов возненавидел весь мир. Гитлер гениально врал. У него это было в крови? Всем гомосексуалистам приходилось таиться и изображать себя такими же, как остальные мужчины. Такова точка зрения тех, кто уверен, что Гитлер всегда вел двойную жизнь.

Он бежал от реальности и пребывал в мире фантазий, где все складывалось так, как он хотел. Он и музыку Рихарда

Вагнера полюбил за ее способность заставить забыть о реальности. Став известным политиком, Гитлер ежегодно посещал знаменитый музыкальный фестиваль в баварском городе Байройте, где жил и творил Рихард Вагнер. Фюрер ценил композитора не только за музыкальные творения, но и за откровенный антисемитизм. Вагнер даже утверждал, что Иисус Христос не был евреем.

Имперский министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер полагал, что Гитлер еще и потому так часто ездил в Байройт, что у него был роман с невесткой композитора Винифред Вагнер. По словам Шпеера, фюрер возвращался после фестивалей очень довольный, у него блестели глаза.

Англичанка Винифред вышла замуж за единственного сына композитора Вагнера Зигфрида, когда ей было восемнадцать лет, а ему сорок шесть. В 1923 году она открыто заявила, что поддерживает Гитлера и его идеи. В 1930 году Зигфрид Вагнер умер, и пошли слухи, что овдовевшая Винифред выйдет замуж за Гитлера. Но теперь известно, что между ним и Винифред Вагнер ничего не было. Гитлер не знал, что делать с такими уверенными в себе дамами. Она была очень крупной женщиной, Гитлер был меньше ее ростом.

Фюрер, подозревали, находил в Байройте отдохновение иного рода. На вагнеровский фестиваль собиралось множество гомосексуалистов. Маскулинная музыка Вагнера в то время была модной среди поклонников однополрой любви.

Он бывал там исключительно в мужской компании.

После смерти мужа Винифред Вагнер уже самостоятельно устраивала вагнеровские фестивали, которые Гитлер приказал финансировать из государственной казны. В семействе Вагнер он чувствовал себя прекрасно, был на «ты» с обитателями дома. Дети Винифред называли фюрера дядей.

– Там была просто сказочная жизнь, – вспоминал Гитлер вечером 28 февраля 1942 года в ставке «Волчье логово». – Я уже много лет не был там, что само по себе достойно сожаления. Фрау Вагнер очень печалится по этому поводу. Она мне двенадцать раз писала и двадцать пять раз звонила по телефону. Фрау Вагнер – и в этом ее великая сила – связала Байройт с национальным социализмом...

Интересно, что после крушения гитлеровской Германии Винифред Вагнер ни в чем не раскаялась. Она приглашала вдов крупных деятелей нацистского государства к себе домой. В своих разговорах дамы не называли Гитлера по имени, а благоговейно именовали его НБА – «наш благословенный Адольф». Только правнук композитора, Готфрид Вагнер, написал в своей книге о том, что его семья должна, наконец, очиститься от прошлого, признаться в своих антисемитских взглядах и поклонении Гитлеру и раскаяться.

Готфрид рассказал о том, как девятилетним мальчиком нашел в доме фотографии, на которых семейство изображено вместе с Гитлером. Затем он обнаружил любительские пленки, запечатлевшие его бабушку, Гитлера и других участ-

ников фестиваля, вытянувших правую руку в фашистском приветствии. Книга возмутила его отца Вольфганга Вагнера, который каждый год проводил фестивали вагнеровских опер. Он запретил сыну бывать в родительском доме. Наследники великого композитора Рихарда Вагнера хотели бы забыть, что вагнеровская музыка и вагнеровские антисемитские писания одинаково вдохновляли Адольфа Гитлера...

После вагнеровских фестивалей Гитлер любил бывать в Веймаре, где его встречал художественный руководитель веймарского театра Ганс Северус Циглер, не скрывавший своих гомосексуальных наклонностей. Циглер в 1925 году вступил в партию. В компании с Циглером Гитлер отдыхал несколько дней – вдали от шума городского. Его селили в гостинице «Элефант», присылали парихмахера, который после бани делал ему и массаж. На нескромный вопрос о том, как выглядит тело Гитлера, Ганс Циглер отвечал, что оно прекрасно, фюрер хорошо сложен и мускулист. Люди, которые знали его лучше, говорили, напротив, что Гитлер стеснялся своего тела.

Циглер с наслаждением вспоминал, как Гитлер однажды пригласил его в Мюнхен послушать Вагнера. После оперы они устроились в любимом фюрером кафе «Хек». К ним присоединилась Ева Браун, уже ставшая официальной подругой Гитлера. Обычно в таких ситуациях мужчины отделяются от приятеля и удаляются вместе с дамой сердца. Гитлер поступает прямо противоположным образом. Он

просит Циглера подождать и на такси отвозит Еву Браун домой. Возвращается, заказывает себе стакан чаю, Циглеру стакан вина, и затем они вдвоем едут к Гитлеру в Оберзальц-берг в его загородный дом.

Циглер говорил потом:

– Я узнал его в эти незабываемые дни лучше, чем многие другие за годы.

Циглер стал художественным руководителем веймарского театра после прихода Гитлера к власти – к раздражению местных властей, которые не могли скрыть презрения к гомосексуалисту. После расстрела штурмовиков у Циглера в родном городе возникли неприятности – ведь было приказано ставить на учет всех гомосексуалистов.

Но, видимо, вмешался фюрер. И за руководителя театра вступился министр внутренних дел Тюрингии, который издал распоряжение:

«Некомпетентные власти затеяли расследование в отношении доктора Циглера. Я сам вник в эту историю с распространением слухов и после расследования пришел к выводу, что не было никаких нарушений.

Поэтому я ожидаю прекращения распространения слухов и приму жесткие меры против тех, кто это будет делать».

Тем не менее Ганс Циглер жаловался на то, что его ненавидят и преследуют. Поэтому, как он сам рассказывал, он обратился к фюреру и все ему рассказал. И фюрер отпустил ему все грехи.

Влиятельные гомосексуалисты оказывали Гитлеру покровительство, когда он делал первые самостоятельные шаги. Многие из них с придыханием повторяли:

– Не правда ли, фюрер просто душака!

В любимых кафе фюрера с ним за столиком можно было увидеть только обожавших его мужчин. В его манере есть, подносить чашку к губам, пить кофе находили что-то женственное. Фюрер обожал сладкое и буквально поглощал пирожные, иногда съедая восемь штук подряд.

Первым интимным другом Гитлера стал Август Кубичек, тот самый мечтавший стать музыкантом юноша, с которым Гитлер познакомился в австрийском городе Линце. Август Кубичек был годом старше Адольфа. Он родился в Линце 3 августа 1888 года. После школы работал в мастерской у отца, но его подлинной любовью была музыка. В феврале 1908 года Кубичек поступил в Вене учиться, окончил консерваторию в конце 1911 года и работал дирижером в различных театрах. 1 сентября 1914 года в Вене он женился на скрипачке Анне Функе, которая родила ему троих сыновей.

Военная служба прервала его карьеру. Когда в 1918 году он стал искать работу, выяснилось, что все места заняты. Он с трудом нашел место в муниципалитете в маленьком городке под Линцем, где жила его мать. Его взяли, потому что нужен был человек, который мог бы заниматься делами местного музыкального общества.

В 1923 году, через пятнадцать лет после того, как они с

Гитлером расстались, Кубичек увидел фото своего друга на первой полосе газеты «Мюнхенер иллюстриртер». Но не попытался возобновить знакомство. Только в 1933 году он поздравил Гитлера с назначением на пост канцлера. Гитлер ответил. Причем, похоже, он знал, чем занимается его старый друг и как обстоят его дела, поскольку просил передать привет матери, но не отцу, который скончался. Весной 1938 года Гитлер вдруг проявил интерес к приятелю юных лет. В марте, вскоре после присоединения Австрии к рейху, три эсэсовца из Берлина появились в доме Кубичека, чтобы забрать у него все бумаги, связанные с фюрером.

Когда Гитлер приехал в Линц, он нашел время встретиться с Кубичеком. Рассказал о своих планах реконструкции города, дал денег на учебу его сына в консерватории Линца. В апреле 1938 года он пригласил Августа в Оберзальцберг. Участие Гитлера пришлось как нельзя кстати. У Кубичека были серьезные неприятности. Его подчиненный Франц Нойбургер в мае 1938 года обвинил Кубичека в воровстве и некомпетентности. Причем сделал это публично:

– Кубичек сам крал деньги и меня заставлял идти на воровство.

Нойбургер был районным казначеем местной партийной организации, то есть влиятельной и опасной персоной. Он был настроен весьма решительно и говорил:

– Я уничтожу Кубичека!

Но вдруг что-то произошло, Нойбургер в октябре принес

Кубичеку официальные извинения. Заявил, что обвинял его совершенно безосновательно. Весной 1939 года Нойбургер попросил перевести его в другое место. Ему явно заткнули рот, чтобы спасти старого друга фюрера от позора.

Летом 1939 года Гитлер пригласил приятеля на музыкальный фестиваль в Байройт. Кубичек ответил:

«Мой фюрер!

Только Вы один с Вашей благородной щедростью могли исполнить самую большую мечту моей жизни. С поразительным достоинством и славой Вы исполнили свое историческое предназначение, которое Вы сознавали еще тридцать пять лет назад.

Я склоняю голову перед величием вождя. Я восхищаюсь Вашим, мой фюрер, благородным сердцем».

Давний поклонник Вагнера был несказанно рад попасть на музыкальный фестиваль в баварском городе Байройте, где жил и творил Рихард Вагнер. Но все-таки эти слова – не просто благодарность за приглашение. Не выражал ли тем самым Кубичек признательность фюреру за избавление от серьезных неприятностей?

В 1940 году они еще раз встретились на вагнеровском фестивале и провели вместе несколько часов. В том же году Август Кубичек вступил в партию и вошел в руководство региональной организации «Сила через радость». В 1943 году опубликовал первый вариант своих воспоминаний о фюрере. В том же году получил повышение по службе, а также

шесть тысяч марок из личного фонда фюрера. С тех пор ему платили еще по пятьсот марок ежемесячно – немалая сумма в те годы.

После войны американские оккупационные власти посадили Кубичека. Он провел в заключении шестнадцать месяцев. Комиссия по денацификации не разрешила ему остаться на государственной службе. Ему пришлось выйти на пенсию. В 1953 году он выпустил книгу «Адольф Гитлер. Друг моей юности». Это скорее роман, чем мемуары. Кубичек не изменил своего отношения к Гитлеру. Он писал: «Наполеон тоже закончил свои дни в изгнании, хотя он был выдающимся человеком. Его место в истории было восстановлено позднее. Когда-нибудь то же произойдет и с Гитлером».

Его вера в Гитлера не исчезла. Вера или любовь?

В юности роли между ними распределились сразу. Гитлер – ведущий, Кубичек – ведомый. Гитлер говорит, Кубичек слушает. Знакомство, построенное на любви к музыке, переросло в глубокие, романтически окрашенные отношения. Они тянутся друг к другу. Они хотят быть вдвоем, и только вдвоем.

«Ни один человек на земле, – вспоминал Август Кубичек, – даже моя мать, которая так меня любила и так хорошо меня понимала, не в состоянии была понять мои секретные желания, как это делал мой друг».

Гитлер явно ревновал Кубичека к другим молодым людям, с которыми тот заговаривал. Он не мог смириться с тем,

что Кубичек способен заинтересоваться кем-то еще. Юноша должен был всецело принадлежать ему одному. Все это напоминает настоящий любовный роман.

В феврале 1908 года Гитлер приехал в Вену на несколько дней раньше Кубичека и писал ему: «Я с нетерпением ожидаю твоего приезда. Напиши, когда ты будешь, чтобы я устроил все для торжественной встречи. Вена ждет тебя. Приезжай поскорее. Я конечно же встречу тебя».

Когда Кубичек наконец приехал в Вену, на вокзале его ожидал Гитлер. Счастливый Адольф расцеловал друга и повел в квартиру, где они провели вместе первую ночь. Это была его мечта — два одиноких художника наслаждаются совместной жизнью в австрийской столице.

Они купили себе одинаковые пальто и черные шляпы. Кубичек вспоминал: «В те дни нас принимали за братьев. Этого мы и хотели».

Они выбирали для прогулок пустынные пригороды. Предпочитали уединенные уголки. Им никто не был нужен. Летом они уезжали на реку, где купались, опять же подальше от других людей, там же ночевали.

Однажды они гуляли и были застигнуты грозой. Спрятались в заброшенном сарае. Кубичек нашел грубую мешковину. Гитлер насквозь промок и дрожал от холода. Кубичек расстелил эту мешковину, велел Гитлеру снять с себя мокрую одежду и завернуться в сухое. Тот покорно разделся и лег. Кубичек заботливо укутал его и лег рядом. Это очень по-

хоже на описание жизни гомосексуальной пары. Любовники, вынужденные скрываться от остального мира, ищут уединения за городом или жаждут остаться в темноте оперного зала, возбуждающего их чувства.

Гитлер избегал физического контакта с другими людьми. Уклонялся от рукопожатий. Другое дело Август Кубичек – его Гитлер любил нежно держать за руку. Однажды к Августу Кубичеку на урок музыки пришла молодая девушка. Гитлер устроил настоящую сцену ревности, кричал, что их комната слишком мала для появления здесь чужих людей. Юный Гитлер избегал женщин, не флиртовал с ними и вообще старался держаться подальше от слабого пола.

В возрасте, когда мальчики начинают проявлять интерес к девочкам, он панически боялся любого физического контакта с представительницами другого пола. Он ненавидел, когда его целовали, вспоминала его сестра Паула, которая была на семь лет его младше:

«Если мама хотела утром поднять его с кровати, ей достаточно было сказать мне:

– Иди и поцелуй его.

Она говорила это тихо, но, как только он слышал слово „поцелуй“, который ему предстояло получить от меня, он пулей вылетал из кровати, только бы избежать поцелуя».

В школе он вообще не интересовался девочками, утверждали его школьные товарищи. Единственные женщины, которые присутствовали в жизни Гитлера и его интимного дру-

га, – это их матери. Кубичек пишет о безграничной любви Гитлера к матери и уникальной духовной гармонии между ними. Особенно в последние месяцы перед смертью Клары Гитлер. Кубичек тоже любил только свою мать.

Возможно, обе матери осознавали и даже одобряли особую природу отношений между сыновьями. На смертном одре Клара Гитлер обратилась к другу сына:

– Густль, оставайся добрым другом моему сыну и после того, как меня не станет. У него больше никого нет.

Август Кубичек со слезами на глазах обещал не бросать Адольфа Гитлера.

Кубичек в воспоминаниях пытался развеять всякие предположения об их гомосексуальных отношениях. Писал, что Гитлер был абсолютно нормален физически и сексуально. Но уж Кубичек-то точно знал, что в сексуальном смысле Гитлера трудно назвать нормальным. Впрочем, понятие нормы достаточно условно.

Весной 1905 года, по словам Кубичека, Гитлер, указав на худенькую блондинку, которая гуляла под руку с матерью, неожиданно объявил, что влюблен в нее. Ее звали Стефани, и ей было восемнадцать лет. Гитлер поведал другу, что пишет ей поэмы, рисует их будущий со Стефани дом. Письма, правда, он отправлял неподписанными, так что она могла принять их за шутку одной из подруг.

Кубичек предложил ему подойти и познакомиться с блондинкой. Если влюблен, разве это не логично? Гитлер возму-

ценно отверг это предложение, он объяснил, что избранным натурам нет нужды в словах, они понимают друг друга и так. Тем временем выяснилось, что девушка ходит на балы и танцует там с молодыми офицерами. Гитлер был удручен, угрожал с горя броситься в Дунай. Кубичек предложил ему научиться танцевать. Эта идея была отвергнута, как абсурдная. Стефани, не подозревавшая о его существовании, вскоре вышла замуж.

Кубичек утверждал, что воздержание Гитлера, его монашеская жизнь объяснялась страхом перед венерическими заболеваниями и распутными женщинами. В Вене они искали отдельную комнату для Кубичека. Нашли подходящую. Но когда они разговаривали с хозяйкой, ее халат распахнулся. Она, извинившись, завернулась в него вновь, но молодые люди успели заметить, что под халатом на ней было только трико.

Адольф скомандовал другу:

– Уходим, Густль!

Кубичек описал эту историю, чтобы объяснить, почему они с Гитлером продолжали жить вместе в маленькой комнатке. Но объяснений и не нужно. Они всегда хотели быть вместе. Фантазии Гитлера были столь сильными и яркими, что казались сравнимыми с реальной жизнью. У него создавалось ощущение, что достаточно представить себе нечто – и это станет реальностью. Разговоры с Августом Кубичеком состояли из бесконечного фантазирования.

За десять крон они купили лотерейный билет. Адольф Гитлер не сомневался, что они получают главный выигрыш. Он уже набросал план их будущей квартиры, каждый предмет мебели, которые они купят. Когда выяснилось, что они ничего не выиграли, Гитлер лишний раз убедился в противоестественности существования империи Габсбургов, которая выжимает из людей последние деньги...

Гомосексуализм стал постоянной темой разговоров в Вене в начале XX века; обвинения в том, что именуется нетрадиционной сексуальной ориентацией, были выдвинуты против принца Филиппа Ойленбургского, друга кайзера и германского посла в Австро-Венгрии. Журналист Максимилиан Харден в еженедельнике «Цукунфт» обвинил Филиппа в гомосексуализме. Это обвинение носило политический характер: гомосексуалист не имеет права находиться на государственной службе и оказывать влияние на императора Вильгельма.

Разгоревшийся скандал привлек внимание венцев к существовавшей в Вене гомосексуальной субкультуре. В городе открывались рестораны, кофейни, отели, бани, где мужчины нетрадиционной ориентации могли встречаться и наслаждаться обществом друг друга. Не было и недостатка в молодых мужчинах, занимавшихся проституцией. Все это скрывалось за завесой молчания. Только скандал привлек внимание к этой стороне жизни. Общество возмутилось тем, что столица Австро-Венгерской империи превратилась в Эльдо-

радо для извращенцев, хотя нашлись и сторонники более либерального отношения к сексуальным меньшинствам.

Но тут же возник и другой мотив. Журналист Максимилиан Харден был евреем. Получилось, что это нападки еврея на германский императорский дом. Гитлер писал в своей книге «Майн кампф» («Моя борьба»), что не одобрял тогда кампанию против принца. Он мог быть лично уязвлен атакой венской прессы на гомосексуалистов. И связал это с еврейским происхождением журналиста, начавшего скандал.

В 1919 году Гитлер писал в газетной статье, что «осознал наличие еврейской угрозы, когда мне было восемнадцать лет». Восемнадцать лет ему исполнилось в 1907 году, когда разразился этот скандал. Немецкий историк Лотар Махтан, изучающий интимную жизнь фюрера, полагает, что ненависть к евреям усиливалась страхом разоблачения. Вдруг и о нем напишут, что он гомосексуалист?

Однажды вечером на улице Гитлера и Кубичека окликнул хорошо одетый господин. Он заговорил с ними и поинтересовался, чем занимаются молодые люди.

– Мой друг учится в консерватории, – объяснил Адольф, – а я изучаю архитектуру.

Хорошо одетый господин пригласил юношей пообедать в отеле «Куммер». Он предложил заказать все, что они хотят. Наконец-то Адольф наелся до отвала. Щедрый господин сказал, что он владелец фабрики, признался, что избегает близких отношений с женщинами, потому что они хотят от муж-

чины только одного – денег. Он проводил молодых людей до дому.

Когда они вошли в комнату, Адольф спросил друга, понравился ли ему новый знакомый.

– Очень понравился, – искренне ответил Кубичек. – Культурный человек и интересуется искусством.

– А на что еще ты обратил внимание? – продолжал задавать вопросы Адольф, лицо которого приняло странное выражение.

– А что еще должно было привлечь мое внимание? – недоуменно переспросил Кубичек.

– Густль, взгляни-ка на эту карточку.

Новый знакомый успел вручить Гитлеру визитную карточку с предложением навестить его в отеле «Куммер».

– Он гомосексуалист, – уверенно сказал Адольф.

Кубичек пишет, что он впервые тогда услышал это слово и что Гитлер всегда боролся против гомосексуалистов. Но вот вопрос: почему, интересно, незнакомец обратился именно к этим молодым людям? Гомосексуалисты довольно точно выделяют в толпе тех, кто может разделять их интересы.

Кубичек и Гитлер провели вместе только четыре месяца. Почему они разъехались, остается неизвестным. Они оба никогда об этом не говорили.

Кубичек утром отправлялся в консерваторию. Гитлер спал до полудня. Гитлер заинтересовался политикой, Кубичек был к ней равнодушен. Он упорно занимался – музыка

требует повседневного труда. Гитлер стал исчезать, он даже ночевал неизвестно где. Их отношения постепенно прекратились.

Глава 4. Друзья и подруги обитателя общежития

18 ноября 1908 года Адольф Гитлер переехал на соседнюю Фельберштрассе, дом 22, где прожил девять месяцев, до 20 августа 1909 года. Там он зарегистрировался как студент. Затем он перебрался на Зексхаузерштрассе, дом 56, где назвал себя писателем. Через месяц, 16 сентября 1909 года, он выписался оттуда и отбыл в неизвестном направлении.

11 марта 1942 года в «Волчьем логове», расположенном в Восточной Пруссии, Гитлер вспоминал: «Мне долгое время было очень плохо в Вене. Несколько месяцев я не ел горячей пищи. Питался молоком и черствым хлебом. Но зато тратил тринадцать крейцеров в день на сигареты. Выкуривал от двадцати пяти до сорока сигарет в день. И однажды мне пришла в голову мысль: а что, если не тратить тринадцать крейцеров на сигареты, а купить масла и сделать бутерброды? На это уйдет пять крейцеров, и у меня еще останутся деньги. Вскоре я выкинул сигареты в Дунай и никогда больше к ним не притрагивался. Убежден, что если бы я курил, то никогда бы не смог вынести все эти тяжкие заботы, которые уже долгое время гнетут меня. Может быть, это и спасло немецкий народ».

Гитлер частенько рассказывал, что голодал и зарабатывал рисованием на кусок хлеба. В действительности он жил на

наследство и на положенную ему после смерти родителей пенсию – получалась порядочная по тем временам сумма, позволявшая ему бездельничать. Значительный кусок жизни, почти десять лет – между шестнадцатью и двадцатью пятью годами (1905–1914), – он провел совершенно бесцельно. Ни одно начинание не довел до конца. Стадия подъема быстро сменялась у него глубокой депрессией. Для молодого человека он вел странный образ жизни. Спал до обеда, днем болтался по улицам Вены, вечером отправлялся в оперный театр. Он пробовал писать пьесу, что-то рисовал и даже намеревался сочинять музыку.

Зять Гитлера Лео Раубаль злился из-за того, что Адольф не желал найти себе работу, зарабатывать и хоть как-то участвовать в расходах на воспитание несовершеннолетней и больной сестры Паулы.

10 января 1910 года Ангела Раубаль родила вторую девочку – Эльфриду. Ангела хорошо готовила, умела ухаживать за маленькими детьми. В общей сложности у нее было трое детей, да еще на руках младшая сестра Паула, страдавшая психическим расстройством.

Ангеле не везло. 10 августа ее муж Лео скоротечной болезнью скончался. Ангела осталась с четырьмя детьми, которых должна была одна кормить и растить. Адольф Гитлер заявил, что он не желает иметь ничего общего с Раубалями, и о родственниках не вспоминал. Когда получаемая им пенсия заканчивалась, он обращался к тете – Йоханне Пёльцль, кото-

рая подбрасывала ему деньги. 1 декабря 1910 года она сняла со счета в местном банке все свои сбережения – три тысячи восемьсот крон и отдала их Адольфу. Когда Ангела об этом узнала, она обратилась к юристу. Она с детьми нищенствовала и считала, что имеет права на часть этих денег.

Гитлер ответил, что тетя действительно давала ему время от времени деньги, чтобы он «мог совершенствоваться как художник». Но делиться ими не пожелал, зато 4 мая 1911 года отказался от полагающейся ему как сироте пенсии в пользу вдовой сестры Ангелы Раубаль.

На что же он теперь жил?

Сам Гитлер уверял, что в Вене, а потом и в Мюнхене он жил, продавая открытки, рисунки и акварели. Некий человек, который его знал в те времена, утверждал, что в 1912 году Гитлер зарабатывал от двадцати до сорока крон в месяц, этого вполне хватало на жизнь.

Сосед по общежитию Карл Хониш тоже рассказывал, что у Гитлера не было финансовых проблем. Его заметки сохранились, потому что в 1939 году они были приняты в партийный архив. Карл Хониш рассказывал, что Гитлер прилежно работал, каждый день выдавал по рисунку и вел очень достойный образ жизни. Правда, другие люди, знавшие фюрера, считали его неспособным к ежедневной работе.

В Вене (а потом и в Мюнхене, куда он вскоре переберется) насчитывалось в ту пору тысячи художников! Прокормиться своим искусством могли только самые знаменитые,

но не Гитлер. Способности к рисованию у него были более чем скромные. Его рисунки приобрели определенную ценность для коллекционеров лишь после того, как он стал лидером партии.

Гитлер погрузился в странный мир мужских общежитий и ночлежек для бездомных. Впоследствии он с содроганием вспоминал «мрачные картины омерзительной грязи и злобы», с которыми он там столкнулся. Но в определенном смысле атмосфера мужского общежития пришлась ему по вкусу. В начале XX века мужские общежития превратились в центры гомосексуальной активности. Для одних это была просто вынужденная замена отношений с женщинами, другие подрабатывали проституцией. Все разговоры в общежитиях крутились вокруг однополорого секса.

Обитатели мужских общежитий и ночлежек мечтали о легких деньгах. Эти мечты материализовывались в образе состоятельных гомосексуалистов, ищущих партнера на ночь и готовых платить. Один из тогдашних друзей Гитлера Эрнст Ханфштенгль, покинувший Германию, в 1942 году рассказывал сотрудникам американского управления стратегических служб, что в общежитие регулярно приходили пожилые господа в поисках молодых людей для развлечений. Адольф жил в окружении таких жиголо наоборот.

9 февраля 1910 года Гитлер обосновался в мужском общежитии на Мельдеманштрассе. В общежитии каждому предоставляли железную кровать, матрас, набитый лошадиным

волосом, одеяло и кое-какую посуду. Здесь он сблизился с Райнхольдом Ханишем, который был на пять лет его старше.

Ханиш дважды сидел за кражу. Зимой 1909/10 года они с Гитлером провели вместе. В общежитии они были очень близки и все знали друг о друге. В публичной библиотеке Гитлер перерисовывал картины с видами Вены, а Ханиш продавал его акварели столярам, которые вставляли их в спинки кресел и диванов, как тогда было принято. Гитлер пробовал рисовать рекламные плакаты и открытки. Иногда говорят, что его акварели были совсем не так уж плохи и к нему как к художнику отнеслись несправедливо... По мнению искусствоведов, это были ученические работы, выдававшие отсутствие таланта и воображения.

Ханиш был крайне обижен, когда летом 1910 года у него появился конкурент в лице старьевщика Йозефа Ноймана, который тоже стал торговать рисунками Гитлера. Нойман очень хорошо относился к Гитлеру. В июне 1910 года Гитлер, заработав двадцать крон, на неделю исчез из общежития вместе с Нойманом. Ханиш ревновал. С Нойманом у Гитлера тоже были особые отношения?

В какой-то момент Гитлер решил, что Ханиш его обманывает, – обратился в полицию, и Ханиша на неделю посадили. Но их отношения на этом не закончились. Первую мировую Райнхольд Ханиш провел в австро-венгерской армии. В июле 1918 года он приехал в Вену, женился. Детей у него не было, и брак распался. В 1923 году его опять посадили

за кражу.

В начале тридцатых он попытался как-то использовать прежнее знакомство с Гитлером. Подделав несколько картин, пытался их продать, уверяя, что они нарисованы Гитлером. Ханиша опять посадили.

Но он сделал еще большую глупость, когда стал рассказывать журналистам о прошлом фюрера. В отличие от благоразумного Августа Кубичека Райнхольд Ханиш не восхищался фюрером. В ноябре 1936 года его вновь посадили – будто бы за попытку подделать рисунки Гитлера. У него нашли дома две рукописи, в которых он описывал знакомство с будущим фюрером. 4 февраля 1937 года, на четвертый день после ареста, он умер в камере.

Секретарь фюрера Мартин Борман позднее сообщил, что Ханиш повесился в камере. Скорее всего, его убили. Рукописи Ханиша исчезли. А в апреле 1939 года американский журнал «Нью рипаблик» опубликовал написанную от его имени серию статей «Я был приятелем Гитлера». Неизвестно, на основании какой рукописи были написаны эти статьи.

Новым другом Гитлера стал Рудольф Хойслер, странная личность, которая появилась в общежитии в феврале 1913 года. Рудольфу Хойслеру было всего девятнадцать лет. Они с Гитлером называли друг друга «Ади» и «Руди», вместе ходили в оперу. Рудольф тоже обожал музыку Рихарда Вагнера. Рудольф появился на свет в благополучной семье, но считался «паршивой овцой». Его исключили из школы. Когда ему

исполнилось восемнадцать лет, отец выгнал его из дома. Он оказался на улице. Тогда они с Гитлером и познакомились.

Хойслер поддерживал отношения с матерью, которая старалась заботиться о непутевом сыне, подкармливала и стирала ему белье. Он познакомил мать с Гитлером, который убедил женщину, что им вдвоем было бы неплохо отправиться в Мюнхен. В мае 1913 года Адольф достиг возраста двадцати четырех лет и смог получить восемьсот двадцать крон – остаток отцовского наследства, так что он был при деньгах. 24 мая Адольф Гитлер отправился из Вены в Мюнхен.

В тот самый день, когда поезд уносил Адольфа Гитлера из Вены в Мюнхен, пятеро австрийских офицеров присоединились к полковнику Альфреду Редлю в обеденной комнате одного из венских отелей. Редль несколько лет руководил информационной службой (контрразведка) вооруженных сил, потом был начальником штаба 8-го армейского корпуса, расквартированного в Праге. Гомосексуалист Редль больше десяти лет работал на русскую разведку. Считается, что за деньги. У него были большие траты – он купил себе лимузин «даймлер» стоимостью шестнадцать тысяч крон, да и партнеры в постели обходились ему недешево.

Чтобы избежать скандала, офицеры пригласили его в ресторан отеля «Кломзер» и предложили покончить с собой. Редль согласился, ему принесли браунинг. Одного человека оставили за дверью, остальные ушли и пили кофе до пяти часов утра, дожидаясь, пока полковник пустит себе пу-

лю в лоб. Но сохранить эту историю в тайне не удалось. 29 мая венские газеты сообщили о самоубийстве и предательстве полковника Альфреда Редля. Для Гитлера эта история стала еще одним подтверждением продажности и разложения австро-венгерской армии.

Он без сожалений покинул австрийскую столицу, нелегально пересек границу и обосновался в Мюнхене, где зарегистрировался как человек без гражданства. Он снимал комнату на третьем этаже дома, принадлежавшего портному Йозефу Поппу, на Шляйхаймерштрассе, 34. Его комната имела отдельный выход, это было бы ценно, если бы он интересовался женщинами. Но Йозеф Попп и его жена Элизабет рассказывали, что Гитлер никогда не приводил женщин и не ходил к проституткам. Они не видели его с женщинами, и он о них не говорил.

С ним был Рудольф Хойслер, который был на пять лет его младше. Девять месяцев они прожили вместе, потом Хойслер не выдержал и ушел. Похоже на отношения с Кубичком: у обоих все понимающая мать, планы совместной жизни, счастливое ее начало в другом городе и неспособность долго быть вместе.

В 1917 году Рудольф Хойслер женился, через год у него появилась дочь. Его жена умерла в 1929 году. Больше он не женился. Он жил в Чехословакии, управлял отелем. В 1938 году вернулся в Вену, вступил в партию и получил работу в Немецком трудовом фронте, который нацисты создали вме-

сто профсоюзов.

В обязательной автобиографии, представленной в канцелярию Немецкого трудового фронта, он написал: «В 1911 году я познакомился с Адольфом Гитлером, который взял меня под свое крыло, политически просветил меня, и это стало основой моего политического и общего образования. Он взял меня с собой в Мюнхен, где мы вместе жили и выполняли случайную работу».

Его дочь рассказывала, что в 1933 году он поехал в Берлин и прожил там полтора месяца. Он надеялся на встречу с фюрером. Но ему не дали такой возможности. Более того, строго-настрого запретили делиться воспоминаниями о фюрере.

Глава 5. Протокол допроса Ганса Менда

28 июня 1914 года в эрцгерцога Франца-Фердинанда стрелял девятнадцатилетний боснийский серб по имени Гаврило Принцип. Через несколько недель британский министр иностранных дел Эдвард Грей печально произнес:

– В Европе гаснут огни. Мы больше никогда в нашей жизни не увидим их зажженными!

Когда началась Первая мировая война, началось сползание Европы с блестящих высот политического, военного, экономического и культурного лидерства. Самой низкой, поистине трагической отметки это сползание достигнет после прихода нацистов к власти.

Возможно, кайзеровская Германия вовсе не была такой уж угрозой для Европы в начале XX века. Грозные заявления немецких политиков были, скорее, попыткой предостеречь более сильных соседей от намерения увеличить свои империи. Антинемецкую истерию начал видный британский политик XIX столетия Уильям Гладстон, который много лет был премьер-министром страны. Гладстон и другие британские либералы выставляли Германию монстром, называли всех немцев злобными националистами. Германия поддерживала Австро-Венгрию и Оттоманскую империю, а Британия считала их противниками. В этом и заключалась траге-

дия Европы: каждое действие рождало противодействие. Если государство приобретало союзника, тут же обнаруживался и непримиримый враг.

Первая мировая война стала катастрофой для Европы. Если бы не война, не случилось бы революции в России, наша страна развивалась эволюционным путем и миллионы людей не погибли бы во имя социализма.

По мнению некоторых современных историков, последствия войны были еще ужаснее оттого, что Германия проиграла. Если бы Германия выиграла войну, Гитлер не стал бы канцлером, не началась Вторая мировая война и десятки миллионов остались бы живы.

А что стало бы с Англией, если бы она проиграла Первую мировую? Британская империя лишилась бы престижа и колоний, не такая уж катастрофа...

Но кому дано предвидеть собственное будущее? Летом 1914 года ни одна сколько-нибудь влиятельная сила не возразила против начала Первой мировой войны. Даже влиятельная партия немецких социал-демократов, считавшихся противниками военных конфликтов.

4 августа 1914 года в рейхстаге предоставили слово Гуго Гаазе, депутату от социал-демократической фракции.

– Империалистическая политика, – говорил он, – привела к роковым для Европы последствиям. Ответственность падает на тех, кто проводил эту политику. Нашей вины здесь нет. Теперь мы стоим перед неумолимым фактом войны.

Нам грозят ужасы вражеского нашествия. В случае победы русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших сынов своей страны, наш свободный народ может потерять многое, если не все. Мы должны подкрепить делами наши слова о том, что в минуту опасности мы не бросим нашу родину на произвол судьбы. При этом наши действия не противоречат принципам Интернационала, всегда признававшего право каждого народа на национальную независимость и на самозащиту. Мы надеемся, что жестокие страдания военного времени вызовут у миллионов людей нового поколения отвращение к войне и они проникнутся идеями социализма и мира. Руководствуясь этими принципами, мы голосуем за военные кредиты...

Начало в 1914 году Первой мировой войны было воспринято людьми в Европе как желанное избавление от гнетущей духоты нестерпимо долгого, затянувшегося исторического лета. Все жаждали грозы, которая покончит с невыносимой духотой, и мало кто подозревал, что эта гроза покончит и с очень многими из них самих. Глубоко в основе этого лежало чувство, что мир, в котором жили люди на рубеже веков, — самые настоящие содом и гоморра. Человек с живой душой испытывал отвращение к времени, в котором он жил. Конечно, войну готовили люди, заинтересованные в ней. И все же решающим было чувство конца эпохи, не просто конца века, но и всего старого мира.

Молодые люди, европейская интеллигенция, поэты, ху-

дожники, испытывали то же чувство отвращения к окружающему. Они были готовы ринуться в кровавую бездну, которая должна покончить с миром лжи, обмана, ханжества. Они считали свою эпоху позорным временем. Внутренне они были готовы к войне, не столько к убийству, сколько к гибели, которая оплатит крушение этого мира.

Задолго до 1914 года многие из мыслителей, художников и литераторов чувствовали, что они переживают окончательный разрыв с прошлым. В 1883 году датский критик Георг Брандес опубликовал книгу эссе под названием «Мужчины современного прорыва». То, как он употребил слово «современный» («модерн»), вызвало в Германии и Центральной Европе горячие дебаты. Что бы это могло означать: модерн? Надо быть за или против?

Главной фигурой в этих спорах был философ Фридрих Ницше. Набрасывая предисловие к своей последней книге «Жажда власти», он написал пророческие строки: «То, что я рассказываю, представляет историю двух будущих веков. Я описываю то, что наступит, что уже неизбежно: подъем нигилизма... Это будущее уже дает о себе знать сотнями знамений... Вся наша европейская культура уже давно движется к катастрофе».

В Англии писательница Вирджиния Вульф предсказывала ближайшее будущее, замечательно преувеличивая: «Я беру на себя смелость утверждать, что приблизительно в декабре 1910 года человеческий характер изменится... Все отноше-

ния между людьми сдвинулись, как между господином и слугой, так и между супругами и между родителями и детьми. А если изменяются отношения между людьми, одновременно начинаются изменения в религии, в образе жизни, в политике и литературе...»

Не Первая мировая война породила революцию. Но она невероятно усилила чувства и настроения, которые давно ощущались. Это интересный пример тому, что иногда развитие культуры предшествует изменениям в политике.

Примерно до 1916 года европейская молодежь находилась под влиянием мифа о войне, считала насилие и гибель спасением от одряхлевших оков старого мира. Надо еще учесть особенности поведения большинства людей, оказавшихся на грани войны. Достаточно крикнуть им: «Отечество в опасности!» И они не спросят: из-за кого оно в опасности? Они станут вооружаться, убивать любого как заклятого врага, сначала колеблясь, потом по привычке, потом с убежденностью и ликованием!

Адольф Гитлер, переехав в Баварию, уклонялся от призыва в австрийскую армию и боялся, что его посадят. В конце концов полиция нашла его в Мюнхене и 18 января 1914 года арестовала за уклонение от воинской повинности. Однако испуг был напрасным. В феврале 1914 года его признали негодным для несения строевой и вспомогательной службы. Когда началась Первая мировая, Гитлер записался добровольцем в баварскую армию, и его взяли.

2 августа Адольф Гитлер пришел на мюнхенскую площадь Одеонплац, чтобы услышать объявление войны России. Молодой мюнхенский фотограф Генрих Гофман сделал панорамный снимок. Среди других лиц он запечатлел счастливое лицо Гитлера. После войны Гофман увеличил эту часть фотографии и продал ее в десятках тысяч копий, неплохо заработав.

Военная форма придала Адольфу Гитлеру ощущение мужественности. Теперь никто не имел права сомневаться в том, что он настоящий мужчина. В его характере, манерах, поведении было слишком много женского и женственного. Военная форма это скрывала.

21 октября эшелон увез Гитлера на фронт. На фронте он отличался одним – быстро и с энтузиазмом исполнял любой приказ. Гитлер служил рьяно. Он был вестовым. Когда снаряды рвали телефонные провода, такие, как он, держали связь на поле боя. В 1914 году он получил Железный крест второго класса, в октябре 1916-го был ранен в бедро и провел в лазарете пять месяцев. В мае 1918 года его наградили Железным крестом первого класса.

После войны, когда разные политические силы заинтересовались личностью Гитлера, исследовали и его военное прошлое.

Существует такой документ, как «протокол допроса Ганса Менда». Подлинность этого документа не установлена. Однако известно, что он циркулировал среди оппозиционно на-

строенных немецких офицеров. Говорят, что документ составил профессор Фридрих Альфред Шмид-Нёrr по просьбе главы военной разведки и контрразведки (абвера) Вильгельма Канариса и что его показывали начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Людвигу Беку.

Эта версия вызывает сомнения. Адмирал Канарис был невероятно осторожным человеком и знал, как опасно интриговать против фюрера. Но Ганс Менд – реальная личность. Он служил в 16-м Баварском резервном пехотном полку вместе с Гитлером с октября 1914 года по август 1916 года.

«Он служил вестовым при штабе, – рассказывал Менд о сослуживце. – Оружие он в руках не держал. Его называли „сумасшедшим Адольфом“. Мне он сразу показался психопатом. Он быстро выходил из себя во время споров, бросался на землю и вопил, изо рта у него шла пена.

Мы обратили внимание на то, что Гитлер не смотрит на женщин. У него были какие-то женские черты. В казарме он ложился спать рядом с парнем по имени Шмидль. Кто-то ночью включил фонарик и сказал:

– Ты только посмотри, что они выделяют!

Все, кто служил в нашем полку, знали, почему фюрер не женится. Он никогда не интересовался женщинами».

После демобилизации Ганс Менд торговал лошадьми, но неудачно. В августе 1919 года он получил в Мюнхене пять

месяцев тюрьмы за кражу. И пошел по кривой дорожке, от приговора до приговора. Освободился в мае 1923 года, когда Гитлер уже стал заметной фигурой среди ультраправых.

Такой человек, как Менд, не мог упустить случая использовать фронтовое знакомство. Он напомнил Гитлеру о себе. Об этом стало известно, потому что Гитлер писал Менду как минимум дважды – 28 июня и 5 июля 1923 года. Оба письма зарегистрированы в книге исходящей корреспонденции секретарем Гитлера Фрицем Лаубёком. Более того, Менду были отправлены деньги – сначала сто, потом еще и триста марок. Почему Гитлер проявил такую щедрость? В надежде удержать однополчанина от неразумных шагов, от опасной болтовни?

Менд несколько лет работал жокеем в Амстердаме и Брюсселе. Потом обосновался в Мюнхене. Он опять угодил за решетку за подделку документов – хотел получить ветеранскую пенсию по инвалидности. И он, конечно же, не мог не думать о том, что Гитлер, с которым они вместе служили, сделал такую карьеру, а он прозябает... Он сделался активным сторонником наци, чтобы добраться до фюрера.

Ганс Менд пригодился нацистам. В конце 1931 года появилась книга «Адольф Гитлер на фронте», изданная от имени Менда. Сам он не то что книгу, фразу не мог грамотно написать. В предисловии говорилось, что книга предназначена для тех скептиков, которые хотят знать, «где новый фюрер, Адольф Гитлер, находился во время войны и что он совер-

шил». Книга написана «живым свидетелем и однополчанином, который сражался бок о бок с Адольфом Гитлером».

«Я был свидетелем его храбрости, — писал от имени Менда неизвестный автор, — я видел прекрасные проявления его характера. Я намерен доказать, что на фронте он был таким же, каким он предстает перед нами сегодня, — мужественным, бесстрашным, выдающимся...

Уже в 1916 году мы предчувствовали, что еще услышим о нем. Надо было только подождать, когда придет его время... В 1918 году он не потерял веру в немецкий народ. Он говорил нам, что намерен отдать жизнь и посвятить всего себя тому, чтобы отомстить тем, кто предал Германию и немецкий народ... Если бы каждый немец думал, действовал и исполнял свой солдатский долг на фронте, как Адольф Гитлер, мы были бы избавлены от этого позорного мира».

Как раз в 1931 году социал-демократическая пресса весьма иронически писала о военных подвигах Гитлера, и книга однополчанина пришлась как нельзя кстати. Главный партийный орган нацистов газета «Фёлькишер беобахтер» рекомендовала книгу Менда «как лучший подарок на Рождество каждому поклоннику Адольфа Гитлера». Книга была состряпана весьма неискусно, состояла из каких-то анекдотов, не делавших честь Гитлеру и выставлявших его, скорее, в глуповатом виде. Фюреру это сочинение не слишком понравилось. Это засвидетельствовал друг фюрера Макс Аманн, который в чине фельдфебеля командовал ефрейто-

ром Гитлером и вслед за ним вступил в партию.

Гитлер сделал Макса Аманна директором центрального партийного издательства, а в 1933 году назначил президентом Имперской палаты печати и наделил правом закрывать в стране любую газету или журнал...

Ганс Менд неплохо заработал на этой книге, но, как следовало ожидать, захотел большего. В октябре 1932 года он подстерег фюрера в месте, где обычно собирались нацисты, – в кафе «Хек». Там были простые стулья и чугунные столики. В это кафе Гитлер заходил и будучи канцлером, но уже без старых партийных товарищей из Мюнхена, а в окружении обычной свиты. Засиживался допоздна. Министру Шпееру он объяснял:

– В боевые времена я привык ложиться поздно. После собраний приходилось сидеть с партийцами. К тому же я так возбуждался от собственных речей, что до утра не мог уснуть.

В кафе Менд и обратился к фюреру.

– Послушай, Адольф! – закричал он. – Ты чего меня игнорируешь? Забыл, кто тебе так помог? Тогда поговорим об этом потом. Прочитаешь обо мне в завтрашних газетах. Я тебя предупредил, Адольф! Не зли меня.

Ганс Менд устроил настоящий скандал. На следующий день журналист Фриц Гёрлих, который был яростным оппонентом вождя нацистов, опубликовал в своей газете открытое письмо Менда Адольфу Гитлеру.

Фриц Гёрлих на деньги курфюрста Эриха фон Вальдбург-Цайля издавал антинацистскую газету. Он считал нацизм духовной чумой. Печатал тираж, как это ни забавно, тот же издатель, Адольф Мюллер, который выпускал нацистскую газету «Фёлькишер беобахтер».

Письмо однополчанина походило на настоящий шантаж.

«Если бы в моей книге появились те детали, которые я сознательно опустил, – писал Менд, – Гитлер едва ли предстал в роли героя войны. Я советую ему не соваться в слишком высокие сферы. Будет лучше для его партии и него самого, если он будет помнить, кем он был».

Написав письмо, Менд объявил фюреру войну, выиграть которую не мог. Его разоблачения уже не могли помешать Гитлеру. Однополчанин был слишком мелкой фигурой, чтобы повлиять на настроения масс. Фюрер сделал вид, что не заметил его выпада. Менд, видимо, пожалел, что сорвался. 1 декабря 1932 года он сказал журналистам, что просто обиделся на «нетоварищеское поведение» Гитлера. Но он все равно продолжит «защищать и поддерживать Адольфа Гитлера, моего фронтового товарища, и его партию даже ценой своей жизни».

Придя к власти, нацисты припомнили Менду угрозы, заставившие Гитлера поволноваться.

Сам Менд рассказывал:

«Я уже спал ночью 9 марта 1933 года, когда дверь распахнулась и я увидел, что на меня направлены два револьвера.

– Что вам надо?

– Еще одно слово – и получишь пулю.

В темноте я различил две фигуры в партийной униформе. За ними стоял человек в штатском, который тихо сказал:

– Пойдете с нами.

Они повели меня вниз, где стоял автомобиль.

– В Коричневый дом? – спросил я.

– Нет, – ответил человек в штатском, – в полицейское управление».

Коричневый дом – штаб-квартира нацистской партии.

В деле Менда ничего не происходило без ведома фюрера. Менд просидел три месяца в концлагере по указанию обергруппенфюрера СА Вильгельма Брюкнера, адъютанта фюрера по руководству штурмовыми отрядами. Но Менда не уничтожили. Его предупредили и проучили. Он должен был понять, что его судьба в руках Гитлера. Как только его отпустили, Менд попросил восстановить его в партии и изъявил готовность немедленно отречься от своего злосчастного письма.

Но его не приняли в партию и не позволили вновь увидеться с фюрером. Он находился под наблюдением. Он предпринял несколько попыток увидеть Гитлера, просил его секретарей передать ему письмо от старого друга. Жаловался, что «стал жертвой людей, которые хотели заработать на моем давнем знакомстве с Гитлером». Но все безуспешно. В марте 1935 года личный адъютант и однополчанин Гитлера брига-

дефюрер СА Фриц Видеман официально уведомил Менда, что его появление рядом с фюрером нежелательно.

Книга Менда продолжала продаваться, и он, видимо, жил на проценты от продажи. Она вошла в список литературы, рекомендованной для чтения в немецких школах. Его воспоминания транслировались по радио. Были даже разговоры о том, чтобы заснять его рассказы на киноплёнку.

Ганс Менд занялся торговлей рисунками Гитлера, на которые возник большой спрос. Среди покупателей были имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах, обергруппенфюрер СС, имперский руководитель печати Отто Дитрих, личный водитель фюрера Юлиус Шрек и другие видные нацисты.

Менд опять напомнил о себе фюреру – хотел порадовать его рассказом об успешной торговле его рисунками. Гитлеру и это было неприятно. Кроме того, у Менда сохранились ранние фотографии Гитлера. Говорят, что на них фюрер был изображен в весьма фривольных позах с другими солдатами. Для Менда эти снимки были доказательством близкого знакомства с фюрером. А Гитлер обиделся.

Летом 1936 года Менда вновь посадили. Документы по его делу не сохранились. Известно, что гестапо устроило обыск у него дома. Забрали все, что было связано с именем фюрера. Особенно он горевал из-за утраты писем Гитлера и часов, подаренных ему фюрером. Адвокат Менда подал жалобу. Местное отделение гестапо ответило, что документы

и письма конфискованы по указанию из Берлина, поэтому о возвращении не может быть и речи.

Можно предположить, что репутацию Менда сознательно разрушили – его обвинили в педофилии. Он получил два года тяжелых работ и три года поражения в правах. Менд отрицал эти обвинения до конца жизни. После приговора его осмотрел судебный врач доктор Фогель, который составил 16 декабря 1936 года заключение о том, что Менд «психопат, неспособный противостоять своим сексуальным наклонностям». Он отсидел полгода в тюрьме и был переведен в психиатрическое отделение мюнхенской тюрьмы. Эксперт утверждал, что Менд представляет большую опасность и его нужно держать в заключении.

Его выпустили 24 декабря 1938 года условно-досрочно. Теперь он был уголовным преступником, которого можно было вернуть за решетку в любую минуту. Все документы и материалы у него забрали, так что он не представлял опасности.

В январе 1939 года он вернулся к обычной жизни, пытался заработать на жизнь. К нему периодически наведывались люди из гестапо. Теперь он возненавидел Гитлера и, как считается, рассказал все, что знал, антигитлеровски настроенным офицерам. Он рисковал больше, чем когда бы то ни было. Но своей домохозяйке он как-то сказал:

– Я столько раз видел смерть, что перестал бояться.

В 1940 году местный партийный босс донес на Менда – за

непочтительные слова в адрес фюрера. Но его приговорили к двум годам не за клевету на фюрера, а за сексуальные домогательства – будто бы он приставал к добропорядочным женщинам.

14 февраля 1942 года тюремные власти информировали прокуратуру Мюнхена, что Менд умер в заключении. Все материалы по его делу было приказано отправить имперскому министру юстиции в Берлин. Это означало, что Гитлер не забыл своего фронтового товарища.

Свидетельницей на последний суд над Мендом вызывали Еву Кёниг. Менд говорил ей и, видимо, другим, что ему-то известно, почему фюрер не женится:

– Никто не знает фюрера лучше, чем я. Я часто видел Гитлера голым, внешне гениталии у него были нормальными. Но фюрер не интересовался женщинами, как и Эрнст Рём.

Впоследствии Гитлер позаботился о том, чтобы все документы военного времени, где шла речь о нем, были уничтожены.

Гитлер служил с удовольствием. Он чувствовал себя уютно в казарме, в чисто мужской компании. И здесь рядом с ним был Эрнст Шмидт, который считается его интимным другом. Они с Гитлером были призваны в один день – 6 августа 1914 года и 7 сентября определены в полк Листа. И вместе отправились на Западный фронт в октябре 1914 года. Оба были определены вестовыми при штабе полка и практически не разлучались.

Эрнст Шмидт был захвачен рассказами Гитлера об искусстве и архитектуре. Гитлер дарил ему рисунки, видимо, рисовал его, как он рисовал других сослуживцев. Иногда Гитлер говорил, что, может быть, станет политиком. Но не мог решить, что лучше – быть художником или заниматься политикой.

В марте 1920 года Эрнст Шмидт вслед за Гитлером вступил в Немецкую рабочую партию. Гитлер часто ночевал в партийном общежитии. Шмидт присутствовал на праздновании дня рождения Гитлера 20 апреля 1920 года – тому исполнился тридцать один год. Эрнст Шмидт навещал Гитлера, когда фюрер сидел в тюрьме после провалившегося пивного путча. Шмидт вышел из социал-демократического профсоюза и вступил в восстановленную после запрета нацистскую партию. По этому случаю Гитлер презентовал ему экземпляр «Майн кампф» с надписью. Шмидт в 1926 году стал секретарем парторганизации в городке, где он жил. В 1931 году вступил в штурмовые отряды и вырос до штурмфюрера.

Никогда у Гитлера не было более близкого человека. Став хозяином Германии, фюрер о нем не забыл. Приехав в Мюнхен, он пригласил Шмидта в свой любимый ресторан «Остерия Бавария». Гитлер располагался за столиком, отделенным от зала невысокой перегородкой. По словам Шпеера, Гитлер, изучив меню, неизменно выбирал равиоли, хотя и приговаривал:

– Моя фигура, моя фигура! Вы упускаете из виду, что фю-

пер не может есть что пожелает.

Здесь он чувствовал себя комфортно. За столом собиралось несколько человек. Гитлер, как всегда, разглагольствовал. Впрочем, мюнхенские знакомые могли во время обеда решить кое-какие свои проблемы. Рейхсляйтер Мартин Борман держал блокнот наготове и записывал указания фюрера.

Став канцлером, Гитлер позаботился о Шмидте. Тот купил себе автомобиль, что было тогда символом благополучия. В 1933 году он стал заместителем бургомистра в своем городке. В 1934 году получил золотой партийный значок и сфотографировался рядом с фюрером.

История Эрнста Шмидта напоминает жизнь Августа Кубичека. Забавно, что в партийной характеристике Шмидта было записано: «Недооценивает собственные возможности и способности». Вероятно, эта недооценка и ставила Шмидта в годы Первой мировой войны, как и Кубичека, в подчиненное к Гитлеру положение.

Его часто приглашали в имперскую канцелярию. Гитлер хотел, чтобы фронтовые товарищи продолжали его славить. В 1937 году газета «Иллюстриртер беобахтер» поместила большую статью о Гитлере и его фронтовых друзьях и процитировала Эрнста Шмидта: «Если фюрер доверит мне любое особое задание, я брошу работу и все и последую за ним».

В июне 1940 года, после подписания перемирия с поверженной Францией, Гитлер взял с собой бывших сослуживцев Шмидта и Макса Аманна, и они поехали смотреть на места,

где когда-то воевали.

В 1942 году Эрнст Шмидт стал бургомистром города и руководителем районной парторганизации. Он по-прежнему не проявлял интереса к женщинам. В сорок семь лет по настоянию Гитлера все же женился на женщине, которая была на двадцать лет его моложе. Детей они не родили, возможно, и брак был фиктивным...

Глава 6. Сеанс гипноза для отравленного ефрейтора

Человек в мятой шинели, который сошел с поезда на платформе Пазевальк в понедельник, 21 октября 1918 года, мало походил на солдата кайзеровской армии. Санитарный поезд тащился из Фландрии пять дней. Ефрейтор Адольф Гитлер провел всю дорогу на твердом и узком сиденье, слушая крики и стоны других раненых. Он не смог заснуть, потому что сожженные газом глаза сильно болели. Когда поезд добрался до станции назначения, Гитлер совершенно обессилел.

На станции его пересадили в санитарную двуколку. Он не мог передвигаться без помощи медицинской сестры. Глаза были закрыты повязкой. Он ослеп и был совершенно раздавлен постигшим его несчастьем. Он не подозревал, что через месяц выйдет из лазарета другим человеком.

В Германии патриотический подъем в 1914 году был таков, что говорили о горячке или «мобилизационном психозе».

— Вы вернетесь домой раньше, чем листья упадут с деревьев, — напутствовал в августе кайзер Вильгельм II своих солдат.

Немцы восторженно говорили о целительной силе боя, о том, что война излечит всю нацию от неврозов. Кайзер поучал курсантов военно-морского училища во Фленсбурге:

– Исход войны решат крепкие нервы.

В первые месяцы психиатрам приходилось иметь дело только с ранеными, которым пуля или осколок снаряда задел голову. Чисто психиатрических пациентов было немного. Врачи гордились своими соотечественниками.

Но уже в 1915 году наступательный порыв потух. Немецкая армия увязла в позиционной войне. Врачам стало ясно, что война разрушает не только тела, но и нервы солдат. Сначала сотни, потом тысячи, потом сотни тысяч становились инвалидами, не потеряв ни единой капли крови. Парализованные, слепые, глухие, немые, страдавшие тиком и тремором чередой шли через кабинеты психиатров.

Адольф Гитлер был зачислен в 16-й Баварский резервный полк. Его сделали посыльным при штабе. Когда его батальон основательно потрепали, всех выживших, в том числе Гитлера, произвели в ефрейторы. Но странно, что Гитлер, прошедший всю войну, больше не получил повышения. Основная масса окопных пехотинцев так и оставались рядовыми. Но тот, кто был произведен в ефрейторы, быстро становился фельдфебелем. Что же мешало Гитлеру, награжденному Железным крестом первого класса, сделать карьеру в армии?

До сих пор, кстати говоря, неизвестно, при каких обстоятельствах он получил свои награды. Среди историков наибольшим доверием пользуется такая версия. Батальонным адъютантом (начальником штаба) был лейтенант Зигмунд Гутман, еврей, перед которым Гитлер заискивал. Лейтенант

Гутман добился награждения его Железным крестом второго класса за то, что Гитлер помог эвакуировать в тыл раненого полковника Энгельхарта. Лейтенант Гутман обещал Гитлеру еще одну награду, если тот доставит донесение на опасный участок фронта. Но выяснилось, что наградить Крестом первого класса не просто, и Гутману пришлось несколько месяцев уговаривать командование.

Бывший начальник штаба полка утверждал после войны, что он намеревался произвести Адольфа Гитлера в унтер-офицеры, но отказался от этой мысли, поскольку «не обнаружил в нем командирские качества». Гитлер был человеком, который охотно подчинялся и выполнял приказы. Никому из фронтовых товарищей и в голову не могло прийти, что он способен кем-то командовать.

И вдруг он переменился, обрел фантастическую уверенность в себе.

Фюрер стал человеком, на которого молились, как на бога. На улице люди пытались дотронуться до Гитлера, как будто он обладал чудодейственной силой. Женщины мечтали завоевать его любовь. Неизлечимо больные вглядывались в его фотографии, чтобы обрести силы для борьбы с болезнью. Гитлер сам верил, что его направляет и охраняет высшая сила. Он обещал своим соратникам:

– И невозможное станет возможным. Произойдут чудеса. Эта перемена произошла с Гитлером, когда осенью 1918 года он оказался в лазарете в городке Пазевальк.

В истории болезни говорилось, что ефрейтор Адольф Гитлер потерял зрение в результате применения британскими войсками отравляющего газа во время атаки на немецкие позиции в районе города Вервик.

В конце сентября 1918 года полк, в котором служил Гитлер, закрепился на хорошо подготовленных позициях к югу от реки Ипр во Фландрии. В городе Вервик оборудовали пулеметные точки и снайперские позиции. Выбить немцев из города получила приказ британская 30-я дивизия.

13 октября британским артиллеристам доставили баллоны с отравляющим газом. Перед рассветом немецкие посты засекли на той стороне фронта звуки, означавшие, что британские войска готовятся к наступлению. Гитлера ночью отправили в штаб с посланием. Немецкая артиллерия обстреляла британские позиции, но ночью снаряды ложились не очень точно и не могли причинить серьезного ущерба.

В половине шестого утра две британские бригады поднялись в атаку. Немецкие войска осенью 1918 года терпели поражение и уже утратили боевой дух. Через два часа британские войска ворвались в город Вервик, завязались уличные бои. Утром 15 октября Гитлер и еще несколько солдат собрались вокруг полевой кухни в надежде поесть. Но едва они приступили к завтраку, начался артиллерийский обстрел. Снаряд, заправленный газом, с характерным шипением разорвался прямо перед кухней. Натянуть противогазы солдаты не успели. Они кричали от боли – им казалось, что

раскаленные иголки вонзались им прямо в глаза, горло, и легкие отказывались служить, они задыхались.

«Англичане, – вспоминал сам Гитлер, – пустили в ход газы „желтый крест“, действия которых мы еще ни разу до сих пор не испытывали на своей шкуре. Мне пришлось отведать этих газов... Часть товарищей выбыла из строя, некоторые из них навсегда. Я тоже стал чувствовать сильную боль, увеличивающуюся с каждой минутой. Около семи часов утра, спотыкаясь и падая, я кое-как брел в медпункт. Глаза мои горели от боли... Спустя несколько часов глаза мои превратились в горящие угли. Затем я перестал видеть...»

Один из солдат, пострадавший меньше других, повел ослепленных в полевой медицинский пункт. Каждый держался за шинель впереди идущего, чтобы не потеряться. Врачи промыли пострадавшим глаза и забрали зараженные газом шинели. Всех повезли в большой армейский госпиталь возле Брюсселя. Одного только Адольфа Гитлера направили в другое место – в полевой лазарет в бельгийском городе Оденаарде. Утром врачи его осмотрели и переправили дальше – в маленький лазарет в прусском городке Пазевальк неподалеку от польской границы.

Немецкая армия отступала, тысячи тяжело раненных солдат ждали отправки в стационарные госпитали. Казалось, зачем возиться с этим ефрейтором? Но у медиков не было иного выхода. Несмотря на красные глаза Гитлера и его слова о том, что он ничего не видит, врачи были уверены, что его

слепота вызвана не газом, а истерией.

Страх перед войной, перед жизнью в траншее, перед артиллерийскими обстрелами, перед атаками врага породил страстное стремление бежать из окопов. Часто это делалось под предлогом отравления газом. Врачи получили распоряжение отправлять в глазную больницу только тех, у кого были очевидные симптомы поражения боевыми отравляющими веществами.

В соответствии с указанием прусского военного министерства врачи были обязаны передать ефрейтора Гитлера психиатрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.